

Виктор СЕРГЕЕВ

Командир (рассказ-воспоминание)

В четырнадцатом году до Пасхи оставалось чуть больше недели, потому не удивило обилие куриных яиц в магазине, кои навезли из всех соседних и ближайших областей. И цены на яйца упали почти наполовину!

Вдруг слышу голос девушки-подростка: «Мам, погляди, яйца из Копейска», — она бережно держала изящную упаковку и показывала молодой женщине. «Надо же, малой родиной повеяло», — с придыханием сказала мать.

Они взяли три упаковки, а в каждой — по десятку яиц.

На них глядя и я взял одну упаковку копейских. Впоследствии оказалось: яйца весьма крупные — близкие к гусиным, и двухжелтошные.

Предпраздничные приготовления подтолкнули меня к заветному размышлению о близком человеке, вернее — о близких людях.

Снова вспомнился мой тесть — Чевыров Михаил Дмитриевич, от которого часто слышал, если вспоминал свои фронтовые годы, фамилию своего командира Хохрякова. Именно только фамилию! Может, он не знал его имени или запамятовал за давностью лет? Нам же — ни мне, ни детям тестя, недосуг было спросить о полном имени командира танкового батальона. Не любопытны мы до крайности, вот и приходится сожалеть и чувствовать свою ущербность и бессердечие, особенно на склоне лет...

Мне посчастливилось общаться с фронтовиками в пору их сравнительной молодости (пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы). Иные рассказывали о своём участии в боевых операциях, подымая в памяти страшные эпизоды, кои лучше бы и не вспоминать, чтоб люди не ведали вовсе, пусть-де время загладит остроту горечи... Поэтому, спустя некоторое время, многие фронтовые истории и рассказы о военных буднях, можно сказать, несовместимые с нормальной жизнью, забывались либо забылись, а то и вовсе канули в небытие.

Каюсь, что не записывал фамилии и имена фронтовиков. Хотя один мой земляк однажды поведал о себе так: «Ну какой из меня фронтовик? Везли поближе к фронту на трёх "полуторках", попали под бомбёжку и обстрел. Самолёт кружился над нами так низко, что прямо рукой хватай... Многих побило. А я потерял правый глаз. И с ногой нелады... Почти год валялся в госпиталях. Такие ранения и в мирное время можно получить. Упал же прошлым летом с лошади, три ребра поломал: ни вдохнуть, ни выдохнуть».

Грех скрывать «слабости» фронтовика, в том числе и моего тестя: на домашних застольях, когда собирались близкие родственники, особенно свои дети и внуки, Михаил Дмитриевич после двух рюмок вина, то есть после так называемых «фронтовых» порций, раскрепощался и окрылялся — куда и природная скованность девалась, и начинал вспоминать... Вот тут-то и всплывали знакомые слова: город Копейск и Хохряков, командир танкового батальона.

...Отец всю жизнь с горечью вспоминал один фронтовой случай, когда на глазах многих, а помочь ничем не могли, немецкая батарея расстреляла танковую колонну из десяти танков, кои оказались для противника настолько уязвимы — как на ладони, что потратили на их гибель не более десяти минут.

В связи с бесшабашной гибелью танков другой бригады, Семён Васильевич Хохряков собрал командиров экипажей и механиков-водителей своего батальона: строго наказал брать врага хитростью и ловкостью, иначе их ожидает похожая участь... И без разведки ни шагу! Без её данных идти колонной недопустимо. Механику-водителю быть начеку.

Противник учитывает нынешнюю психологию советского солдата, мол, русские обрадовались стремительному бегству врага — драпает, так сказать, сломя голову и, расслабившись, забывает об осторожности, о военной смекалке... Мало того, у врага ущемлено самолюбие до такой степени, что он огрызается с удесятёрённой силой. Ему терять нечего, но он ещё не выдохся.

...После учёбы на механика-водителя, а учился отец в нашем городе, его послали в Нижний

Тагил на танковый завод. Там грузили танки на платформы поезда. Машины отправляли в третью танковую армию Рыбалко. Михаил Чевыров познакомился с заводским испытателем, механиком-водителем. Новый знакомый расспросил отца: откуда родом, что и как? Отец поведал о себе, что только-только закончил школу танкистов, порошу не нюхал. В общем, новобранец! И заводской испытатель рассказал о себе: «горел» на Курской дуге, получил ожоги, контузию... После лечения направили на родной завод. Вот он и посоветовал отцу, делясь своим опытом, чтоб перед походом и перед боем не закрывал перед собой люк. В него можно, случись что, легко выскочить и остаться живым.

И отец принял совет знакомого: в бой уходил (всегда) с открытым люком перед собой.

Хотя открывать люк перед боем запрещалось, но новая привычка выручала отца не раз. По своей физической комплекции — узкие плечи и худощавое телосложение — не мешали легко «выскакивать» в открытый люк в минуту опасности.

...Чтоб поддержать пехотинцев, танки батальона Хохрякова проникли по дну оврага с отлогими склонами поближе к немецким батареям. Обнаруживая себя не торопились, так как дорога по верху овражного склона обстреливалась прямой наводкой орудиями и пулемётами, будто немцы знали, что русские танки устремятся именно по той дороге.

Пожилой полковник, сильно припадавший на подожок в левой руке, обхаживал танки и легонько постукивал по броне, умоляя танкистов пойти на помощь пехоте; она залегла на родимую землю, не подняться...

Танкисты не отвечали полковнику: у них свой командир.

У Михаила Чевырова люк был открыт. Полковник сказал механику-водителю — с укором, мол, нечего отсиживаться за бронёй, нашу пехоту враг прижал к родной земле... Для того и танки, чтоб выручать пехоту. Где ваш командир?

В это время танкисты слушали лётчиков-штурмовиков, атакующих позиции врага. В наушниках чётко слышна азартная команда: «Ведомый, ослеп, что ли? Заходи к пустым хатам, около них батареи. А я пройду по садам».

Лётчики бранились, будто торговки на базаре. Танкисты слушали и прикидывали: после атак наших авиаторов можно и выходить к дороге либо на дорогу.

Отец крикнул хромому полковнику: «Лётчикам виднее, а никак не подавят немецкие пушки. Хитрые, зараза... Не успеешь выскочить и нос показать, так сразу подпалят и сожгут машину. Нас пощёлкают, а пехоте фигу покажут».

На отказ выехать на вершину овражного склона, полковник пригрозил отцу трибуналом. Со злым блеском в глазах, выкрикнув бранные слова, он ударил своим увесистым подожком с металлическим наконечником по открытому люку. Отец еле успел отпрянуть, иначе получил бы удар по голове.

Немного погодя (не уговорил ли пожилой полковник простачка?) один танк с рёвом поднялся на взгорok овражного склона и, не успев выстрелить из пушки, как был подожжён. Из горевшего танка выскочил один механик-водитель. Скотившись кубарем по склону, он побежал к хвосту танковой колонны. Хохряков, видать, задумал обмануть врага, не зря танк поднялся без экипажа, решил про себя отец, узнав в механике-водителе своего давнего знакомого.

В этот момент поступила команда командира батальона Хохрякова: экипажу с механиком-водителем Чевырова немедленно принять роль ведущего, как у лётчиков, и вынести машину к дороге.

Так отец и сделал. Прикрывшись подбитым танком, экипаж ударил из пушки по батарее врага, а дальше... путь освободился для манёвра танков и пехоты.

...Михаил Чевыров, получая новый танк, не раздумывал: с ключами тщательно осматривал все узлы, ведь на заводе они были иногда лишь наживлены. Полуголодным женщинам, девушкам, подросткам и десяти-двенадцатилетним мальчишкам, стоявшими сутками у станков, порою не хватало сил затянуть гайку до предела. И торопились выполнить норму! Надеялись на опытного механика-водителя на фронте, мол, доведёт до конца заводские огрехи. Отец говорил, что никогда не роптал, а всегда молча доделывал своё дело, ведь в бой вступать самому.

Долго возился и со старыми машинами.

Иногда не хватало и двух дней, чтоб подготовить танк к длительному походу, особенно внимательно проверял двигатель. Зимой прогревал его часами. Отец, как правило, редко одевал военную форму, которую берёт в ящике. Комбинезон пропитывался маслом и мазутом до такой степени, что одёвку было тяжело носить. Одному вряд бы справиться с подготовкой танка, помогали члены экипажа. И машину готовили в то время, когда в штабах любого уровня намечали разной сложности операции. О передышке узнавали от командира Хохрякова.

Если успевали подготовить машину, то радовались и успокаивались. Но бывало так, что в первом же бою хорошо подготовленный танк подбивали и поджигали немцы... То есть от него оставалась одна память. Редкий раз экипаж не терял бойцов.

У некоторых экипажей случались досадные сбои: отлично подготовленный танк останавливался во время стремительного марша; на середине поля он становился удобной мишенью для вражеской батареи.

...Отец рассказывал, что их часто посылали в тыл противника. Чтоб немец не ждал их и не обнаружил преждевременно, танкисты использовали болотные места, порою непроходимые. На трясину укладывали брёвна, связанные между собой, в два-три ряда. Переправлялись поочерёдно — след в след. Вот тогда-то и проверялось водительское мастерство. И всё-таки одну машину потеряли, ушла в трясину.

К сожалению, не догадался спросить: спаслись ли танкисты утонувшего танка.

На десятки километров углублялись в тыл противника, наводя панику... Иногда и там теряли машины и экипажи. Однажды, возвращаясь к своим, пристроились к колонне немецких танков. Перед этим отец на конец пушки накинул цилиндрической формы ведро, крепко обмотав его тряпкой и туго-туго перевязав, чтоб не гремело. А делалась эта выдумка для того, чтоб ствол нашей пушки походил на немецкий. Несколько вёрст шли в колонне последними, поднимая за собой облако пыли, затем в лесистом месте вышли из колонны.

Слушая эти жуткие по тревожному накалу воспоминания, невольно думалось: сколько сил и воли нужно иметь, чтоб психологически выдержать тяжелейшее напряжение?

...Помнится, наша изба в селе стояла почти в конце главной улицы, далее виднелось кладбище. Почти каждую неделю проносили или везли на подводе гроб с телом. Чаще всего умирали вернувшиеся домой фронтовики, в общем-то люди молодые... Однажды в один день двоих фронтовиков похоронили. Вот нам, малым детям, удавалось покушать на скромных поминках. Таким образом, наверное, и подкрепляли свои силёнки.

Задача для танкистов батальона Хохрякова ставилась простая: внезапно войти в тыл противника с целью попутать ожидания врага. Нестандартное наступление танков приносило немало хлопот немцу. Тем самым создавалось не совсем ясное намерение наших войск, иногда похожее на слабость либо на отчаяние. Между тем, если судить по рассказам отца, наступление наших войск разворачивалось настолько стремительное, что танкисты сутками не вылезали из машины. Разве только для заправки останавливались.

Я как-то спросил: сами-то как питались? Перловой каши привозили?

Он уклончиво ответил: «Что сорока на хвосте принесёт, тем и жили».

Я смело добавил: «Что Бог посылал, тем вы и жили».

Больше никогда не спрашивал о том тестя.

Он как-то признался, что после одного долгого похода по тылам противника, не мог выбраться из танка (выбился из сил), помогли ребята-пехотинцы. Положили на траву, а сил нисколько — руки не поднять... Посмотрел на небо... Облака белые не плывут, а кружатся перед глазами... Увезли на телеге в медсанбат (ребята-пехотинцы и помогли сесть), где приходил в себя несколько дней.

...Один эпизод из фронтовой жизни отца в своё время записал (почти слово в слово) и опубликовал, но всё равно вынужден, конечно, кратко повторить его в связи с некоторыми размышлениями о психологическом состоянии отца в ту пору.

Танк подбили. Из него успели (или сумели) выскочить отец и радист, у коего оторвало левую руку по плечо. Отец быстро снял с себя нательную рубашку и, разорвав на части (на ленты), туго перевязал кровоточащую рану у радиста Афонькина. Кровь остановилась! Когда он

перевязывал, то из башни показался башнёр, повисший на руках. Он тихим и сиплым голосом попросил: «Михаил, спаси». Как спасу? На танк не полезешь, по нему стреляют вражеские пулемётчики. Через мгновение башнёр исчез из виду: видимо, ноги перебило либо совсем без ног висел на локтях.

С радистом поползли к своим. Метров двести одолели. Попили из ручья и освежили лица, затем встали во весь рост: убьют или нет — какая разница... Не нынче, так завтра...

Дошли до своих. Санитар спросил: кто так умело перевязал? Раненый Афонькин показал на Михаила Чевырова. Им дали по полстакана спирта.

Впоследствии Афонькин писал на фронт Михаилу, что на соболя ходит... И рюмку крепко держит.

Михаил Чевыров, отправив Афонькина в госпиталь, вроде успокоился... Обидно и жалко было, что снова остался один, будто осиротел... И не знал, что делать дальше, куда идти, а спросить некого — все чужие.

Присел на обочине пыльной дороги, задумался и представил, что люди из экипажа вот-вот подойдут и... дадут новый танк... Почувствовал жжение в глазах и слёзы на щеках. Обернулся: не заметил бы кто. В гибели экипажа, думалось, виноват только он: плохо маневрировал по открытому пространству, не использовал рельеф местности для прикрытия, вроде машина по его вине всё время выскакивала вперёд остальных, вот первыми и получили удар...

С радистом повезло: быстро наткнулись на санитаров. А помнится иной случай, когда тяжелораненого командира танка четверо суток не могли определить в медсанбат, который то далеко продвигался вперёд, то, напротив, отставал от частей. Вынуждены идти к дальней железнодорожной станции, к госпиталю на колёсах. Хирурги охали и ахали, но благодарили, что пусть-де и танком напугали, но вовремя привезли лейтенанта.

Однажды, отправив раненых из своего экипажа, опять остался один. Попалась верховая лошадь с седлом, к коему был приторочен пулемёт. Всадника поблизости не оказалось, наверное, убит. Отец, недолго думая (а он с малых лет с лошадьми на ты), поскакал за своими, погнавшими врага. Вскоре над ним завис «Мессер». Отец разогнал коня. В последний момент догадался, что ни рысью, ни галопом не уйти от самолёта, стрелявшего по нему. Подзадержал коня, спрыгнул и с пулемётом залёг в воронке разорвавшего когда-то снаряда, и начал стрелять по самолёту. После двух очередей самолёт задымил и у самого горизонта упал на землю.

Михаил Чевыров всю жизнь считал, что тот самолёт сбил он. Видимо, собеседники пытались оспорить тестя. Попробовал и я представить иную картину: возможно, стреляли из окопов по «Мессеру» и другие бойцы? Скажем, притаившиеся зенитчики? Но отец стоял на своём.

В тот раз понадеялся на коня, мол, сейчас на нём догонит свой батальон, но конь лежал убитый в нескольких шагах. Значит, пока стрелял по самолёту, то не заметил гибели коня.

Михаил Чевыров поведал свои соображения командиру Хохрякову: наверное, плохой из него водитель, коли многие из экипажа либо погибают на глазах, либо с тяжёлыми ранениями долго лечатся и никогда больше не появляются в батальоне, а он живой и здоровый. Не уйти ли ему из танкистов?

Командир Хохряков Семён Васильевич мягко и тактично как бывший политрук убедил отца примерно такими словами: «Нет, Михаил, ты на своём месте. Враг не разбит. Потому менять ничего не надо».

...Смотрю на карту Украины. Правда, она советских времён; современная Украина изменила название некоторых городов. Всё равно изменения не меняют общий взгляд на исторические вехи. Помню, Михаил Дмитриевич часто называл города, кои брались с боями. Вот они: Житомир, Шепетовка, Каменец-Подольский, Тернополь... Эти города были на устах отца всегда, особенно в моменты воспоминаний о майоре Хохрякове. Отец, имея за плечами начальную школу, в коей вряд ли имелась география, навсегда запомнил города, о которых прежде и не слышал.

Немец очень быстро отступал к своим укрепленным рубежам. Наши танки, а у них скорость по тем временам весьма велика — семьдесят километров в час, за врагом еле успевали... На большой скорости не щадили немецкие обозы, под гусеницы попадала и живая сила.

Если судить по перечисленным городам, то марш-бросок ударной танковой армии Рыбалко, а в авангарде шёл батальон Хохрякова, дважды Героя Советского Союза, направлялся на самые укрепленные районы. В спешке и сами попадали в хитрые ловушки. Однажды оказались в западне: танк отца замер, двигатель не заводился. Командир танка и кое-кто из экипажа сбежали. Отец успел закрыть перед собой люк. Не мог же бросить исправный танк, который недавно получил от украинской колхозницы, мало того, целый день готовил машину к очередному броску...

По верху танка приплясывали вражеские солдаты, обрадовавшиеся «трофеею». Отец предположил: топтали и стучали немецкие штрафники, вооруженные лишь винтовкой. Если бы у них имелись гранаты, то могли взорвать танк, а начали бы с водительского люка.

Приплясывающие немецкие солдаты, вернее, если судить по словам бывшего политрука Хохрякова, плясали солдаты Западной Европы, мало того, дружно кричали: «Рус, сдавайся! Знаем, знаем... водитель живой...»

К двигателю не поступало топливо, секунды летели... Второпях переключая краник для подачи топлива, то почувствовал хруст под пальцами — рычажок сломался, а топливо не шло. Под рукой ни ключа, ни плоскогубцев... У ног лежала полупустая пулемётная лента. Отец освободил пальцами патрон от пули. Патроном и удлинил сломанный рычажок крана. Топливо поступило и... машину слегка затрясло от работы двигателя. Послышались отчаянные крики за броней... Вражеские солдаты попрыгали с танка и разбежались — стреляя по нему из винтовок.

Отец резко развернул машину и направил её к своим. На пути стояла наша артиллерийская батарея из новеньких пушек, а в метре — полуразвалины одноэтажного каменного дома, раздумывать было некогда, ведь немцы могли опомниться и запалить уходящий танк. Отец направил машину между углом дома и пушками.

Что творилось в душе бывшего танкиста? Душевные муки, страхи и чувства будто бы не касались его и в самые страшные минуты, особенно в неравных стычках с врагом... Точно бесчувственным и одеревеневшим был. Хотя, услышав над собой топот солдатских сапог и крики «сдавайся», отец испытал отчаянный страх и досаду, что попал в неловкое положение, кои «помогли» ему сосредоточиться и найти выход: пальцами мгновенно освободил пулю от патрона. Позже многие, даже весьма сильные люди в батальоне, не могли пальцами освободить пулю от патрона. Некоторые оговаривались, мол, Чевырову повезло.

В тот миг, когда возвращался к своим, в душе кипела обида на командира танка, оставившего его наедине с врагом... Хорошо ещё, что кого-то ухватил за ноги, который тоже хотел выскользнуть из танка.

Да, случилось непредвиденное: сломался рычажок при переключении топливного бака, потому танк замер... Командир экипажа посчитал, что их ожидает неминуемый плен, вот и понадеялся на собственные ноги...

Я спросил отца: может, командир дал команду покинуть танк? А ты, дескать, в горячке и суматохе, не слышал окрика командира экипажа. Голова была занята мыслью: как завести машину. Нервная обстановка и выбила вас всех из равновесия.

Михаил Чевыров с членом экипажа вернулись на танке к своим почти следом за сбежавшим командиром. Свои не ждали. Думали, что механик и радист попали в плен к вражеским штрафникам.

Отец выскочил из танка и быстрыми шагами направился к группе офицеров. В руке у него блеснул трофейный дамский пистолет. Приблизился к группе и направил оружие на своего командира экипажа, но... выстрелить не дали стоявшие рядом солдаты, кои скрутили ему руки. Вырываясь, он выкрикнул: «Ух, зар-р-р-а-за!.. Как собаку застрелить... Оставил нас среди врагов. Быстро бежал, даже на танке не догнали».

Чуть погодя, когда вспышки гнева сошли на нет, отец понял, что перегнул палку, то есть нарушил субординацию: направлять оружие на офицера — это последнее дело, в общем — нарушение устава. В мирное время этот перегиб могли бы сгладить гауптвахтой. Чуть позже ему пришлось: должно быть, и старшие офицеры еле-еле спаслись от плена? Тем самым отец невольно обвинил в растерянности и артиллеристов. Значит, ему не дадут пощады. Промашку

свалят на него.

И точно: отцом заинтересовался особый отдел. Его арестовали. Сидел в землянке с узким оконцем, небо виднелось с овчинку.

Семён Васильевич Хохряков, узнав о случившемся, потребовал освободить механика-водителя Михаила Чевырова. Требование подкрепил характерными для него словами: «С кем завтра пойду на прорыв? С вами, что ли?»

* * *

В семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века фронтовиков часто собирали в городах, связанных с походами третьей ударной танковой армии Рыбалко. Помнится случай, когда Михаил Чевыров и его жена, тёща моя, Мария Степановна, бесплатно путешествовали до самого Хабаровска, где проживала их младшая дочь. Оба рассказывали: поезд остановился у Байкала, народ высыпал... Все застыли от увиденного чуда! Кинулись к чистой воде, брали её в ладони, освежали лицо... Иные пили воду. Та поездка осталась в памяти на всю жизнь.

Позже отец путешествовал один. Побывал на Кавказе (в Грузии), отдыхал в санаториях. Особенно запомнилось пребывание в Василькове под Киевом, где встретились с однополчанами у могилы Хохрякова Семёна Васильевича. И волнующая встреча произошла с ветеранами из своей бригады в городе Копейске, родине Хохрякова Семёна Васильевича.

Один генерал, тоже фронтовик, видя, что Михаил Чевыров — кавалер трёх орденов, завёл разговор о том, что рад познакомиться с бывалым участником Отечественной войны. Отец, видимо, был в лёгком волнении после неожиданной встречи с бывшим командиром экипажа, из-за которого на фронте попал под арест, да и после выпитой рюмки вина был слегка возбуждён, вот смело и ответил генералу: «Я не участник войны, а освободитель! Участники там...» — он показал в зал. «Сразу видно, что вы служили под командой политрука Хохрякова», — быстро нашёлся с ответом генерал. «И вы были знакомы с Хохряковым?» — спросил отец, точно посомневался. «В общем-то, да... Но мельком», — замаявшись, ответил генерал. «А я по гроб обязан Семёну Васильевичу...» — скороговоркой напомнил отец.

Позже он рассказывал, что разговор с генералом не получился. Ведь спорщиком он никогда не был. Сам во хмелю посмеивался над собой: с четырьмя классами и в пастухи берут с оговорками. Где уж там: с генералом беседовать и вспоминать о былом. Он всегда будет прав! А вот о командире экипажа — как произошла встреча, ни словом не обмолвился.

После катастрофы на Чернобыльской атомной станции встречи гвардейцев танковой армии Рыбалко прекратились.

Мне думается: будь жив Хохряков Семён Васильевич, дважды Герой Советского Союза (возможно, был бы и трижды Героем), то наверняка помог бы Михаилу Чевырову прийти в себя после фронтовых будней. Отец ведь всю жизнь считал, что главное в его судьбе: фронтовые дороги и дети, коих у него с Марией Ворониной пятеро. И Хохряков не выпускал бы из поля зрения близких побратимов, особенно таких, как Михаил Чевыров. В этом я на сто процентов уверен.

После войны с Михаилом Чевыровым всякое случалось. Он работал в Языкове в службе быта, сапожничал. Так получилось, что заведующий сбежал, оставив работников у разбитого корыта. Правда, заведующий заранее пробовал уговорить Михаила принять дело, хотя бы на словах. Отец, как мог, отказывался от неожиданного груза, говоря — зачем ему, неграмотному, обуза непосильная. Материальная ответственность — не шутка за кружкой пива. А Михаил со своей Марией, тоже фронтовиком, недавно построили небольшую избу на улице Победа. Значит, заведующий не случайно уговаривал Михаила, чтоб уверенно сбежать: вот, мол, на какие денежки они подняли избу?

Стали проверять предприятие: оказалось, что недостачи столько, что... Отцу предложили: либо выплачивай недостачу, либо тюрьма. Он так и эдак доказывал, что прежний крохобор не сдавал ему дела, а он и не принимал... Только разговоры и намерения летали в воздухе. И проверяющие показали на заявление и роспись, мол, чьи они? Так крючки поставит каждый, хоть с улицы призови, отказывался он, не признавая подписи.

После несправедливого (допотопного) суда, где отца и не слушали, пришлось продавать избу. Сами уехали на малую родину.

Живя в родном селе (деревне), родители моей жены столкнулись с новой напастью (иначе и не скажешь): обоим фронтовикам не разрешали держать во дворе даже овцу. А без овцы в деревне, да с большой семьёй, сложно выкручиваться и бороться с зимними холодами. На носочки и варежки детям уходило много овечьей шерсти. (Своей овцы нет, а купить шерсть не на что.) Чевыровы не вступили в местный колхоз, за это и усад под картошку укоротили до пятнадцати соток. В те годы картошка заменяла хлеб, потому для многодетной семьи пятнадцать соток маловато. С этой земли картофеля хватало до ранней весны. Поэтому осенью приходилось делать ночные «набеги» на колхозное поле.

Михаила Чевырова звали трактористом в местный колхоз, но, видя нищенское житьё-бытьё земляков-колхозников, отказался от предложения. Он ссылался и на фронтовую болезнь: беспокоила контузия. Бывали дни, что от головной боли ползал на коленях, криками и стонами пугая своих малых детей.

...Давно заметил, и не только в разговорах с тестем, что фронтовики, особенно те, кои были, как они считали себя, не просто участниками войны, тот отрезок в своей жизни определяли самым главным и самым полным по содержанию — не считая появление на свет божий собственных детей.

Правда, память о войне постепенно угасала не только в связи с уходом фронтовиков, но и под натиском беспощадного времени, когда память о войне невольно заслонялась и заслоняется новыми событиями и неровными судьбами детей и внуков. Всё время с тревогой думалось и думается о них: как они? Что с ними? Справятся ли? Хотя жили и живут наследники под боком.

На многие вопросы отец не получал ответа. Ему порою чудилось, что они живут сложнее и тяжелее, чем ему приходилось на фронтовых дорогах. Вздыхая, смирялся, глядя на свои ордена, хранящиеся в коробочке с нитками и иголками. Медали давно затерялись (с ними когда-то играли малые дети). Если и приходилось по праздникам прикреплять ордена к праздничному пиджачку, то с неловкими оглядками по сторонам, мол, не отвлечёт ли внимание детей и близких от иных событий?.. Понимал, что и награды давние не могут доказать суевающимся людям, пусть и близким, что и он не из последних в новом мире, хотя никогда не считал себя завистливым. Не случайно же отец рассказывал о своих фронтовых дорогах лишь после выпитых двух-трёх рюмок дешёвенького вина.

Выручал покорный и мягкий характер. Хотя иногда с неудержимым гневом выговаривал своё нетерпение, если дело касалось обиды на своих детей, живущих не совсем так, как ему хотелось бы. «Да вы со своей слабостью, — роптал он, — и дня бы не устояли на фронте».

...В пятидесятых годах Михаил Чевыров с семьёй колесил по городам и весям, то есть вербовался (была такая практика) со многими земляками то на Север, то на Юг... В шахте работал, кажется, в Казахстане, затем пытался осесть в Пермском крае, где приобрели добротное жилище в кирпичном доме с метровыми стенами, о коем и не мечтали. Но нигде долго не задерживались по разным причинам. И всё-таки главная причина, беспокоившая в молодые и средние годы особенно вторую половину: тяга к малой родине. Здесь и родные, и близкие, и знакомые... Надеялись, что в родном крае найдётся работа по душе, чтоб с большой семьёй хотя бы сводить концы с концами.

Некоторые земляки с недоверием отзывались о военных заслугах Михаила Чевырова, не с трупов ли снимал ордена. Дескать, не мог он, до войны живущий растрёпанной холостяцкой жизнью, а на фронте вдруг превратился в примерного гражданина.

Ярые наговоры вскипели в дни, когда устроился работать в лесничестве, мол, там-то на каждом дереве не листья висят, а рубли... Прежний-то лесник задарма построил себе шатровый домино из нескольких комнат, а этот тем более не сробеет...

Отец терпел, вздыхая, не зная куда деваться от злых языков: на фронте молил Бога сохранить жизнь, а тут... Прости их, Господи.

Семья держалась ремеслом: сам тачал и подшивал-латал зимнюю и летнюю обувь. Даже с пожилым отцом несколько зим ездили на валку в Оренбуржье, то есть валенки валяли. И дома

семья ходила в своих валенках и чёсанках.

Мария Степановна, жена, портниха-самоучка, обшивала земляков. За работу несли не деньги, а продукты: яйца, крупы, молоко, топленое масло, муку... Летом овощи и фрукты предлагали. Кто сколько мог, столько и приносили.

Дети подрастали, потому не совсем надёжное колхозное житьё-бытьё задавало много вопросов: как быть? Что делать дальше?

Родная деревня и селения поблизости вымирали на глазах. В почти обезлюдивших деревнях оставались самые стойкие и отчаянные люди. И Михаил Чевыров с семьёй переехали в областной город, где подкупили часть избы в Конной, то есть в пригороде Ульяновска. С работой повезло: устроился на автозавод. В ковком чугуне, так в простонародье назывался цех с вагранкой, проработал десять лет, затем вышел на пенсию.

В связи с уходом на пенсию, дома собрали скромное застолье. Пришли дети с семьями. Поздравления и подарки, кои всё равно опять перейдут дарителям, расслабили застолье, полилась песня... Отец, смущённый от тёплого внимания, молчал — вроде ждал затишья, чтоб заговорить самому, зная, что некоторые из гостей ждут его воспоминаний. И он не заставил долго ждать.

...В Шепетовке у машины пострадала ходовая вместе с гусеницами, кое-что взяли у подбитых танков. И не только ходовая... Почти сутки экипаж колдовал с поломками, затем ринулись догонять своих. Хохряков приказал: сами справитесь с поломками, потом сразу следом за ними. Встречу определил под Хмельницком. Но поехали не одни: шли ещё два танка, пахнущие заводской краской. Экипажи на новеньких машинах сколотили второпях, а механики-водители и вовсе не нюхали пороха, то и дело обращались к нему за помощью.

Хохряков ждал один экипаж, а пришли три танка, чему был удивлён и обрадован. Командир батальона назвал его полным именем и объявил благодарность.

Отец называл украинские города, запомнившиеся навсегда, ведь их брали с тяжёлыми боями и потерями, но почему-то перечислял не все. Как же так: в Каменец-Подольский (где шли самые ожесточённые бои), затем в Черновцы, не попадёшь, так сказать, минуя Хмельницкий. Тот город не запомнился, наверное, из-за того, что прошли мимо него маршем?

Отцу запомнился бросок на Тернополь, то есть севернее, недалеко от коего потерял машину. Слава Богу, экипаж успешно покинул горевший танк.

Если посмотреть на географическую карту и найти названные отцом города, то с содроганием представляешь те молниеносные броски тяжёлой техники. Это не на легковом лимузине раскатывать по ночным улицам, а в сорокатонной железной машине, в основном по бездорожью, по оврагам и буграм, по полям и перелескам... И всегда под прицелом вражеских пушек.

Танковый батальон, часто потрёпанный и неполный до крайнего предела, буквально «проламывал» оборону противника и уходил далеко в тыл врага, путая замыслы осторожных немцев; то есть по закону военной теории или логики, русские танки не должны были глубоко вклиниваться, не имея широкой армейской поддержки.

В одном источнике говорится, что под польским городом Ченстоховом, когда батальон Хохрякова прошёл с боями более двухсот километров, то открылась сначала брешь в обороне противника, а затем и дорога другим частям Советской Армии. Михаил Чевыров находился в том батальоне!

И город Болеславец отец должен помнить, но... увы, иностранное слово не запомнилось. За ним Германия была вовсе близка.

...После гибели командира Хохрякова Семёна Васильевича, дважды Героя Советского Союза, и при новом командире не изменилась тактика ведения боевых действий. Взяв Бранденбург (этот город отец часто называл), получили команду идти на Прагу. До чешской столицы не дошли, так как настигло сообщение командования о том, что немцы выбросили белый флаг. Видимо, узнали, что на вырчку чехам шли танки генерала Рыбалко.

...Один из внуков задал деду вопрос: «Дед, скажи, как сумел выжить в огненном пекле войны? Батальон Хохрякова всегда находился в авангарде! Первый шквал огня противника

падал именно на ваш батальон, потому выжить было почти невозможно. Где-то читал, да ты и сам рассказывал, в таких боях батальон часто терял все танки, а танкисты, оставшиеся в живых, брали стрелковое оружие и воевали рядом с пехотинцами». «Ничего... Подходило подкрепление, — ответил дед Михаил, словно не поверил, что внука заинтересовало его военное прошлое. И с мечтательным прищуром близоруких глаз, добавил: — Молитва спасала. И дома за меня молились». «А какая молитва?» — не отступал внук. «Забывать стал...» — отмахнулся дед. И разговор оборвался.

...Елизавета, старшая сестра моего тестя, в советские годы, проживая в городе, редкий раз посещала церковь, но... как человек старой формации (в царской России все деревенские дети были богомольны, мало того, службу церковную знали не хуже священника), она чтит старину и близких своих любила, а потому без молитвы не проживала и дня. Когда в тридцать восьмом году двадцатого века братца Михаила призвали в армию, то старшая сестра наказала не забывать молитвы, кои учили вместе. Потому и наказывала строго, что он, уча молитвы усердно, а всё-таки вскоре забывал их. Не повторял и не читал молитвы про себя, вот они и забывались. Хорошо запомнились только «Отче наш» и «Богородица».

Сестра Елизавета приобщила братца к молитве, кою велела читать на войне. «О святыи Михаил Архангеле, помилуй нас, грешных, требующих твоего заступления, сохрани нас, раб Божиих, и меня тоже, от всех видимых и невидимых враг, паче же подкрепи от ужаса смертного и от смущения дьявольского и сподоби нас непостыдно предстати Создателю нашему в час страшного и праведного Суда Его...»

Старшая сестра Елизавета уверенно утверждала, пусть, мол, братец не всю знал эту молитву, но она спасла Михаила от огня войны. Он тайно молился за экипаж и за командира Хохрякова Семёна Васильевича.

2014 г.

Хохряков Семён Васильевич, дважды Герой Советского Союза, командир танкового батальона, гвардии майор, родился 12(31) декабря 1915 года в селе Коелга Еткульского района Челябинской области.

В боях Великой Отечественной войны с июня 1941 года.

Погиб 17 апреля 1945 года.

Похоронен в городе Васильков Киевской области (Украина).

* * *

Чевыров Михаил Дмитриевич родился 7 марта 1918 года в селе Тимофеевка Майнского района Ульяновской области. Фронтовик. Механик-водитель танка Т-34. В Великой Отечественной войне с 4 марта 1943 по 9 мая 1945 год. Награждён двумя орденами «Отечественной войны» 1-ой степени. Орденом «Красной звезды». Медалями: «За отвагу», «За освобождение Праги», «За победу над Германией».

Умер в 2006 году.